

Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы¹

О.И. ШКАРАТАН

В статье анализируются моно- и мультилинейные концептуальные подходы к развитию человечества, представленные в трудах таких выдающихся интеллектуалов как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, Т. Парсонс, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма, Л.Н. Гумилев, С. Хантингтон, Гж. Колодко, Л.С. Васильев, Ю.И. Семенов, М. Музилс, Б. Витрок и др. Подчеркивается, что разнообразие линий социально-экономического развития народов основывается на различиях двух доминирующих макротипов цивилизации – «европейского» и «азиатского». В контексте этих и локальных цивилизационных различий рассматриваются модели социально-экономической трансформации постсоциалистических стран; при этом особое внимание уделяется российскому вектору посткоммунистического транзита, в основу анализа которого, по мнению автора, может быть положена теория евразийства Л.Н. Гумилева, Н.С. Савицкого, Н.С. Трубецкого и концепции современных российских авторов С.Г. Кордонского, В.Б. Пастухова, О.Э. Бессоновой и других ученых.

Ключевые слова: монолинейность и мультилинейность развития, европейский и евразийский типы цивилизаций, множественность форм модернизации, неевропейский модерн, модели социально-экономического развития постсоциалистических стран, сословное устройство, неоэтакратизм, «либеральный раздаток»

Вариативность versus линейность развития человечества

Монолинейность и мультилинейность – два основных концептуальных подхода к оцениванию процессов в современном мире. Согласно первому из них, эти процессы развития протекают, в основном, безальтернативно, в соответствии с логикой внутренне детерминированного перехода от традиционного общества к индустриальному, от индустриального – к информационному/сетевому. Принятие идеи унитарности исторического процесса было тесно увязано с европоцентристским подходом к истории человечества. И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности развития конкретных обществ решающее влияние оказала гегелевская схема «ступенчатого» развития истории к единому для всего человечества идеалу.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Государственного университета – Высшая школа экономики, тема № 71 «Сравнительный анализ развития постсоциалистических обществ»

Определяющей для марксистского миропонимания была идея линейно-стадиального развития человечества в соответствии с универсальной схемой смены социально-экономических формаций, или типов (стадий) социально-экономических отношений как фундамента любого конкретно-исторического общества. Своеобразным развитием универсальной марксистской схемы является миросистемный анализ неомарксиста И. Валлерстайна. Правда, знакомство Маркса с историей стран Востока и России привело его к сомнениям относительно универсальности европейской схемы смены формаций (первобытный коммунизм – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм).

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития – от традиционного общества к частнособственническому, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) – от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего – к теократическому, и наконец, – к венцу исторического пути человечества – к демократически-эгалитарному. Обоснованием этого подхода (монолинейности развития человечества) в либерализме служит ныне классическая теория модернизации (У. Ростоу, Т. Парсонс). Либеральный унитаризм предполагает мир как иерархическую систему, где страны мира делятся на «эшелоны» как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящиеся впереди. Представляется, что как марксистский, так и либеральный унитаризм с их безальтернативностью эволюции конкретных социоисторических организмов, игнорированием взаимодействия общего и особенного в истории далеко не бесспорны.

Наряду с унитаристским подходом, в соответствии с которым процессы развития отдельных социально-исторических организмов (в современном мире обществ – государств) образуют единый процесс истории человечества, существует и мультилинейный (плюралистский). Суть его заключается в том, что человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную историю, свои этапы становления, развития и увядания. На смену погибшим историческим организмам и цивилизациям приходят новые, совершающие свой собственный цикл развития.

Одним из первых сторонников плюралистического подхода был выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский, автор знаменитой книги «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому (1869 г.)» [Данилевский 2003]. Именно Данилевскому принадлежит мысль о том, что среди факторов, обуславливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит тому или иному типу цивилизации. Последние обладают как универсальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности. Эти идеи были впервые подробно развиты в упомянутой книге. По его мнению, «Цивилизация есть понятие более обширное, чем наука, искусство, религия, политическое, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, и цивилизация все это в себе заключает. Я говорю, что даже и религия есть понятие, подчиненное цивилизации» [Данилевский 2003, с. 129].

Он считал, что именно анализ исторически сложившихся типов цивилизации позволяет многое понять и объяснить прошлое, настоящее и будущее народов.

Данилевский глубоко чувствовал своеобразие русского культурно-исторического типа. Он не признавал универсализм романо-германской культуры; не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней как о едином и единственном типе культуры, он воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной европейской [Данилевский 2003].

Кстати говоря, такой подход, судя по публикациям современных китаистов, был органически присущ китайским интеллектуалам, развивавшим его одновременно с Данилевским и независимо от него. Поиск собственной «самобытной» национальной модели развития еще во второй половине XIX в. привел определенную часть китайских мыслителей и политиков к идее необходимости сочетания заимствований западной техники, методов производственного управления и т.д. с сохранением ядра национальной культуры. Значительно позднее в оригинальном китайском учении, основанном на возрождении конфуцианских норм, нашли воплощение существенные черты модернизирующихся восточных цивилизаций, создав пространство для национальных концепций развития. Китайская цивилизация в итоге восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни – не через авторитет силы, а через силу авторитета. Такая идентичность позволила Китаю отстоять свою независимость, решив стоявшие с середины XIX в. задачи [Виноградов 2008, с. 321–322 и др.].

Уже в XX в. получили широкую известность построения сторонников исторического плюрализма, таких как О. Шпенглер [Шпенглер 1993], А.Дж. Тойнби [Тойнби 1991; 1995], Л.Н. Гумилев [Гумилев 1993], С. Хантингтон [Хантингтон 2003], Гж. Колодко [Колодко 2009] и другие.

Следует принять во внимание, что институциональные и ценностно-нормативные системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают. А соответственно и базирующиеся на них цивилизации, и охватываемые последними нации – государства мультилинейны в своем развитии [Шкаратан 2004, 2009]. В то же время признание специфического развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия.

Видный польский экономист Гж. Колодко отмечает, что если взглянуть на историю экономического развития и застоя, то «она учит нас одному: все решает культура. Это подчеркнул еще Макс Вебер..., а прошедший век еще более подтвердил правильность такого наблюдения». Это означает, что «мы думаем и действуем под влиянием и в рамках унаследованных религиозных, расовых, национальных, ментальных особенностей». Но выводы из констатации этого факта у Гж. Колодко не пессимистичны. Наряду с признанием по существу действия *path dependency theory* у него присутствует и развивается идея активной позиции индивидов и обществ: «Проблема сводится к взаимодействию культур, институтов и политики... на поле сопряжений между этими тремя большими категориями разыгрывается битва за будущее. И хотя, безусловно, протестантская культура жителей Бенилюкса или нордические черты жителей Скандинавии будут больше способствовать развитию, чем исламская культура Аравии или Сахеля – подобно тому, как это было в последние несколько сот лет, – но и в этом втором случае можно придумать такое соотношение институтов и политики и попытаться так их использовать, что-

бы население этих регионов тоже смогло эффективно развивать свою экономику» [Колодко 2009, с. 403–404, 410–411].

В рамках институциональной теории некоторыми российскими экономистами была выдвинута гипотеза о различных институциональных матрицах, которые, видимо, могут быть рассмотрены как латентные механизмы функционирования и воспроизводства социоисторических организмов, где матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся взаимосвязано функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций. Так, проводя сравнение восточной и западной макроцивилизаций, эти авторы отмечают, что в восточной матрице, в отличие от западной, на длительном отрезке истории господствуют нерыночные механизмы, институты унитарно-централизованного государственного устройства, приоритет коллективных, надличностных ценностей [Кирдина 2000, с. 24–29; Нуреев 2001].

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первый идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество – государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории, в общем-то, и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в части тех стран, где исторически доминировала эта вторая, неевропейская линия развития, в середине XX века установился этакратизм.

Я опираюсь на объяснительную концепцию базовых институциональных структур, отличающих восточные цивилизации от западных (отношения «власть-собственность»), которую развил видный российский востоковед Л.С. Васильев в своих работах 1960-1990-х гг. [Васильев 1994]. Л.С. Васильев отмечает, что речь идет о социально-экономическом строе, при котором типичная восточная община определяет макроструктуру государства. Основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом. Отдельный человек не становится собственником, он может быть лишь владельцем. Суть взаимоотношений между властью и собственностью сводилась к тому, что все государственное – первично, а частное – вторично, к тому же опосредовано тем же государством [Васильев 1994, с. 486]. Верховным собственником, прежде всего, земли и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства.

Детальный анализ отношений «власть-собственность» содержится в цикле публикаций Р.М. Нуреева, которому принадлежит подробный институциональный анализ этого феномена. По его мнению, «Власть-собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении

собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии» [Нуреев 2009].

В течение тысячелетий эта система самовоспроизводилась при смене династий, доминирующих языков и даже при смене социоисторических организмов на огромных пространствах Земли и охватывала большую часть человечества (ибо данный тип социетальной системы, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройению принадлежащих к нему социальных организмов).

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между монолинейным и плюралистическим подходами. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закрепленный во вполне проверяемых источниках. Этот опыт демонстрирует совершенно разные исторические варианты развития не только исчезнувших, но и ныне существующих социально-исторических организмов. Одни из них перешли в свое время от первобытности к феодализму, затем к капитализму; другие – от первобытности перешли к азиатскому способу производства, а от него – к зрелым формам капитализма (постиндустриализму); третьи «застряли» во внерыночной фазе развития, адаптировав этот тип экономики к условиям глобальной мировой системы. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений.

Следует отметить, что наряду с представленными двумя доминирующими концепциями (моно- и мультилинейности) была предпринята попытка создать своеобразный гибрид линейно-стадиальной интерпретации истории и концепции многолинейной эволюции. В таком понимании исторического развития одни социально-экономические системы могут быть представлены в одних социоисторических организмах, а другие в совершенно иных социоисторических организмах. Это предполагает возможность передачи «исторической эстафеты» от одних систем социоисторических организмов к другим системам. Автор этой идеи глобально-стадиального понимания исторического процесса Ю.И. Семенов полагает, что его подход позволяет совместить «идеи единства человечества и поступательного характера его истории с фактами, свидетельствующими о разделении человечества на обособленные образования, которые возникают, расцветают и погибают» [Семенов 2003, с. 233 – 234].

С конца 1990-х гг. в западной литературе сравнительно широкое распространение получают теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации, все чаще наблюдается отказ от смешения модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Эти идеи приобрели особую поддержку в развивающихся странах, где авторы акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприменимых для анализа незападных форм современного общества.

Такую же позицию занял британский социолог М. Музилис. Он констатировал, что в социологической литературе концепции модерна и модернизации подвергаются критике за их подчеркнута (*emphatically*) европоцентристскую сущность (*nature*). Это относится и к парсонсовскому неозволюционизму и его применению в изучении развития третьего мира (*third-world development*), и к работам Энтони

Гидденса или Стюарта Холла, ибо все они, по мнению критиков, провозглашают доминирующую тенденцию рассматривать траектории развития неевропейского мира (*non-western developmental trajectories*) (в прошлом, настоящем и будущем) как имитацию специфической западной модели (*pattern*) развития. При этом они оценивают капитализм как определяющий компонент модерна. Музилис указывает на то, что западная модернизация была исторически первой, но теперь она уже далеко не единственная в мире. Более того, хотя пока она и доминирует, но это не означает, что подобная ситуация сохранится в следующем столетии (эти слова были написаны в 1999 г.). Рассматривая процесс модернизации и сложившийся в Японии и формирующийся в некоторых других азиатских государствах тип общества модерна, Музилис отмечает отличия от англо-американской модели, в частности, ориентацию не на быструю максимизацию прибыли, а на долгосрочный экономический рост, что достигается гибкой государственной поддержкой отдельных отраслей промышленности и развития человеческих ресурсов. Музилис не исключает, что в недалеком будущем «полуавторитарный азиатский капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом» [Mouzelis 1999, p. 153; Масловский 2008, с. 31–44].

Среди сторонников концепции множественности форм модернизации и модерна преобладает точка зрения, суммированная шведским автором Б. Витроком: «Для ученых, близких к этой или аналогичным позициям, естественно говорить относительно множественности форм модернизации. Безусловно, ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере, в виде идеалов, но иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако такие процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией – с другой, близки к исчезновению. Это только означает, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять те формы, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации, относятся ли данные периоды к древней эпохе или к десятому – тринадцатому векам. Эти ключевые идентичности, разумеется, всегда находятся в состоянии саморазвития и по-прежнему лежат в основе глубоких космологических и социетальных оснований их цивилизаций. И было бы излишне наивным полагать, что они внезапно исчезнут».

Продолжая свое суждение, Б. Витрок подчеркивает: «Модернизация в этом смысле не является новой объединенной цивилизацией, глобальной по своей протяженности, и не имеющей себе равных по своему давлению и разрушительности... Модернизация скорее представляет собой некий набор обещаний, надежд и ожиданий, которые формируют минимально необходимые требования адекватности, предъявляемые к макросоциетальным институтам без учета их возможных различий по ряду аспектов. Как в культурном, так и институциональном смыслах, модернизация с момента своего зарождения в Европе характеризовалась высоким уровнем вариативности институциональных форм и культурных конструкций.

Таким образом, мы можем рассматривать ее как такой период в истории человечества, в котором существовали особые принципы глобального устройства. Однако наличие этого глобального устройства (мироустройства) не означает, что члены отдельно взятого культурного сообщества должны отказаться от своих космологических и онтологических представлений, равно как и своих традиционных институтов» [Wittrok 2000, p. 54–56].

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность получили две целостные и достаточно контрастные модели экономического развития – американская и японская, каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей. В одном случае – достижительно-индивидуалистической, в другом – достижительно-коллективистской. Мировое значение японских преобразований состоит в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности.

Всем наблюдателям совершенно очевидно, что и китайцы совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это – не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, также как и японская. По близкой к Японии модели развивались и развиваются новые индустриальные страны: Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, которые за два поколения превратились из самых отсталых аграрных в развитые индустриальные, а по ряду позиций и в постиндустриальные. В этой группе государств политические системы длительное время не носили демократического характера, лишь на сравнительно высоком уровне социально-экономического развития в некоторых из этих стран ныне укореняется демократия. Нигде не применялись формы общественной жизни, органичные для высокоразвитых западных стран. Во всех этих странах, как, впрочем, и в Японии, решающим фактором являлось активное участие государства в экономической трансформации, включая оптимальную для отечественных производителей налоговую таможенную политику, защиту внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции.

Из приведенных примеров следует неоспоримый вывод о разнообразии моделей современной экономики, включая хорошо изученное разнообразие типов капитализма (англосаксонский, рейнский, конфуцианский и т.д.), и социально-политической организации общества в разных странах мира, о полилинейности экономического и социального развития стран, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам.

Именно в контексте успешного экономического развития восточноазиатских стран, Индии и ряда южноамериканских государств, прежде всего, Бразилии, стала очевидной возможность незападных стран с высокой духовной культурой использовать и развивать достижения западного мира (так называемого «ядра» мир-системы = «золотого миллиарда») в производстве и торговле, не жертвуя своими базовыми ценностями, традиционной культурой. В результате происходят изменения и в характере глобализации, возрастает возможность выйти из «ловушки» иерархического моноцентрического глобализационного процесса, навязанного человечеству транснациональными корпорациями, представляющими интересы элит «ядра» мир-системы, определявших перелив мощи и богатства с Востока на Запад

и экономическое развитие народов Земли на протяжении последних пяти веков. Происходящие перемены в мироустройстве напрямую связаны с междивизиционными взаимодействиями и реструктурированием самих цивилизаций.

В ответ на давление междивизиционного напряжения (так называемого «конфликта цивилизаций») началась цивилизационная консолидация Запада, которая выразилась институционально в создании и развитии военного Североатлантического блока, а также экономического и политического Европейского Союза. Характерно, что Трехсторонняя комиссия (международная организация, координировавшая усилия элит США, Западной Европы, Японии) в начале 1990-х гг. приняла модель развития Европы на основе ее разделения на римскую и византийскую части. В первую были включены страны, отнесенные к единой цивилизации с общей историей, религией и культурой; границей должны были послужить восточные рубежи Польши [Пономарева 2009, с. 119–120].

С точки зрения мультилинейного подхода в современном мире сосуществуют несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными системами. Применительно к Центрально-Европейскому и Евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) – это католицизм, протестантство, православие, мусульманство. Складывающаяся в этой связи нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в странах этих ареалов существенно различна в целом ряде отношений. Расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах ЦВЕ и Балтии, с одной стороны, и в большей части бывших советских республик, с другой, во многом обусловлено глубинными цивилизационными межстрановыми различиями. Соответственно, эти цивилизационные особенности должны быть обстоятельно изучены.

Системы цивилизаций и модели экономического развития постсоциалистических стран

Среди сторонников либерального выбора в России с середины 1980-х гг., преобладала убежденность в том, что никакие цивилизационные характеристики не имеют существенного значения при определении экономической стратегии. В то же время сторонники учета цивилизационного своеобразия оказались, в основном, сосредоточены в рядах оппонентов рыночных реформ, сторонников сохранения провалившейся плановой экономики. В реальной политике экономических преобразований в стране на долгие годы восторжествовал дух чистейшего универсализма. Вне рыночные институциональные факторы экономического роста игнорировались. Утверждалось, что архетипы народа, национальная культура, характер религии и т. д. не играют важной роли в экономическом прогрессе страны. В подтверждение приводились примеры блестящих успехов цивилизационно разных стран: США, Германия, Япония, Китай, Корея и др. При этом не брались в рас-

чет различия факторов экономического успеха. Если США опирались на индивидуализм и индивидуальную достижительность, то Китай и Япония опирались на коллективизм, солидарность и национальный консенсус. Проходили бесконечные споры по деталям экономической политики в постсоциалистических странах, и в них выискивались причины успехов или неудач в реализации либеральных реформ, но игнорировались контрастные результаты в развитии западно-христианских и восточно-христианских стран.

Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полупериферию и периферию. Ядро – это доминирование «чистых форм» этакратизма – стейтизма. Периферия – резкое ослабление черт этакратизма, сохранение в той или иной степени присущих Европе экономических институтов, социальных ценностей и норм. К ядру мы относим большую часть республик бывшего СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии – Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т.д.; к периферии – Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т.д.

Сам географический охват «социализмом» совпадал:

– с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т.д.):

– и с регионом длительного господства государственного (азиатского) способа производства в евразийской (восточной) части этого ареала.

В последние столетия отсутствовали как значимые частнособственнические отношения и доминировали отношения «власть-собственность». В этих обществах не было классов, гражданских отношений, правового государства и т.д. Другими словами, к этим обществам (Россия, Закавказье, Средняя Азия) неприменимы теории и категории, объясняющие структуру и генезис западных и восточноевропейских обществ (при всех существенных различиях между последними).

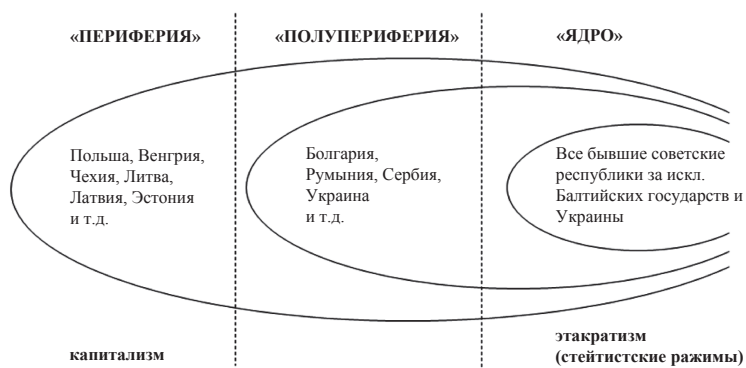

Рис. 1. Сфера «этакратического» влияния: от Востока к Западу

Примечание. Схема предложена и составлена Г.А. Ястребовым.

Напомню, что странам Центральной и Восточной Европы (первый ареал) этакратизм был навязан со стороны СССР, при этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной

экономики, гражданского общества, правового государства. Они на протяжении примерно 45-летнего периода советско-российского доминирования неслучайно так и остались ненадежной периферией «реального социализма». Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, – в России и Китае, Вьетнаме и Монголии.

Современная социетальная система, сложившаяся в странах ЦВЕ и Балтии – это результат единой восточноевропейской антикоммунистической революции 1989–1991 гг., носившей, по определению В.И. Ильина, системный характер. Эти революции были движимы идеями догоняющей модернизации. В странах ЦВЕ и Балтии изначальные цели преобразований, включавшие и высокие стандарты массового потребления, и социальное государство, и технологическую модернизацию, свелись достаточно быстро к двум позициям, измеряющим прогресс – формированию рыночной экономики и обеспечению состязательной демократии, включающей политический плюрализм и демократические свободы [Ильин 2006, с. 262–266].

Экономические реформы и в странах Балтии, и в Центральной и Восточной Европе начинались с лозунга «Назад в Европу». И элита этих стран, и большинство населения, особенно интеллигенция, были твердо убеждены в том, что к этому приведут энергичные либеральные реформы. Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными позитивные результаты в становлении рыночной экономики и либеральной демократии у таких государств, как Чехия, Словения, Польша, Венгрия, Словакия – стран-носительниц европейской культурной традиции, западного христианства, многовековой традиции частной собственности и определенного опыта гражданских отношений и правовой государственности.

В то же время развитие России и ряда других республик бывшего СССР пошло по другому пути. Мы придерживаемся следующего концептуального видения развития России: современное российское общество, также как и советское, относится к особой цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют, по меньшей мере, две самостоятельных цивилизации, другими словами, две существенно отличные друг от друга Европы.

Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны-носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества [Бердяев 1990; Пивоваров, Фурсов 1999; Пивоваров, Фурсов 2001; Пименов 1999].

Очевидно, что в этом специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неоэтакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия должны носить специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия, четко охарактеризованная

известным русским историком В.О. Ключевским, сводилась к следующей схеме: в сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являются основой дифференциации. Причем, под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Принадлежность к сословию передается по наследству, но нестрого, что способствует относительной открытости данной системы [Ключевский 1918].

Следует заметить, что идеологами коммунистического режима предпринимались настойчивые попытки навязать ученым отождествление средневековой Руси/России с западными феодальными государствами. В традициях национальной исторической школы, олицетворяемой такими классическими именами как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Миллюков, Г.В. Вернадский, всегда подчеркивалась специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой: существование феодализма как такового в средневековой России не признавалось [Черникова 2005, с. 90–108]. По мнению П.Н. Миллюкова, аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным ему огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование в СССР особого служилого слоя – номенклатуры. Тот же Миллюков отметил поразительный факт: русская история XX в. ближе к истории XVII – XVIII вв., чем XIX в. То есть реализовалась возможность воспроизводства в будущем (в нашем случае – советском) параметров социальных отношений, имевших место в прошлом [Медушевский 2007, с. 75].

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась *этакратическая социетальная система* (= советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с собственными законами функционирования и развития. Эта система была ориентирована «на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». При этом контроль над экономическим излишком являлся внешним по отношению к экономической сфере, поскольку он находился в руках обладателей власти в государстве [Castells (1) 1997, p. 16].

В посткоммунистический период, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как *неоэтакратизм*. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего

со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частно-собственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства. В современной России принцип «частности» действует, в основном, в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имуществом, накопленным трудом многих поколений, природными ресурсами, бюджетными средствами. Нет ничего удивительного в том, что российским олигархам практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность была и осталась ничьей, как в советское время, ее легитимность остается под вопросом. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства сосредоточен в руках чиновников и менеджеров государственных и частично частных корпораций [Шкаратан 2009].

Существенным дополнением к изложенным позициям представляется институциональная теория хозяйственного развития России новосибирского экономиста и социолога О.Э. Бессоновой. Центральным для ее концепции является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами в мире существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики. В ней прослеживается влияние выдающегося институционалиста Карла Поланьи (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов по проблемам азиатского способа производства.

На протяжении всей своей истории – с IX по XX вв. – экономика России имеет природу раздаточной системы, а экономическая эволюция страны есть эволюция институтов раздаточной экономики. В результате всех событий постсоветских лет в стране формируется институциональная основа «**либерального раздатка**», т.е. такой системы экономических отношений, в которой (при сохранении своей сущности) институциональное ядро раздаточной экономики воплотится в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства [Бессонова 2006].

Не менее определенен в своих суждениях политолог В.Б. Пастухов: он утверждает, что российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации. Для России же это была исторически логическая фаза ее развития. Распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации [Пастухов 1994, с. 7]. Он утверждает: «...Россия следует своей исторической дорогой, а Запад – своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы... Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции «параллельного», чем «догоняющего» развития» [Пастухов 2006, с. 7–8].

В свою очередь, продолжая данную линию анализа развития России как иной, незападной цивилизации, социолог С.Г. Кордонский в серии публикаций 2008 г., не соглашаясь с доминирующей традицией, применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о со-

циальной стратификации и показал, что «сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры». В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, а сейчас, в постсоветской России, формируются третьи. Собственно, переходы от одних «россий» к другим и есть смены принципов сословного устройства [Кордонский 2008].

В среде западных интеллектуалов все чаще высказываются и обосновываются идеи не просто «неевропейскости» России (эти мысли посещали ученых Запада с неизменным постоянством и в давние века, и с завидной регулярностью продолжались в XIX веке), но и ее непринадлежностью к Азии: Россия стала признаваться самостоятельной цивилизацией/культурой, возникшей на границе с европейской, но сохранившей свою идентичность и устоявшей в схватке с Европой [Marshall 2003].

Попутно заметим, что вполне надежные данные крупномасштабных исследований человеческих ценностей, обобщенные в работах Ю.В. Латова и Н.В. Латовой (включая их собственные опросы), показали, что оценки ряда авторов, включая группу В.А. Ядова, согласно которым российская ментальность является западной, как и свидетельства Г. Хофстеда и Д. Боллингера о «восточном характере» российской ментальности, не вполне корректны. «Истина в буквальном смысле слова лежит посредине: российская ментальность – промежуточная между «западной» и «восточной». Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она все же чуть больше Евразия, чем «Азиопа». ...мы ненормальны и по западным, и по восточным меркам» [Латов, Латова 2007 с. 54; Латов, Латова 2001].

Правда, неслучайно, что и Б. Рассел (он, по-видимому, был первым), и М. Джилас, и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства» [Васильев 1982; Васильев 1994, с. 13–48; Нуреев 1989, Нуреев, Рунов 2002].

В своей знаменитой книге «Восточная деспотия. Сравнительное исследование тотальной власти» К. Виттфогель раскрыл в строении тоталитарных режимов XX века (в первую очередь, советского) черты обществ с «азиатским способом производства». Он с полной ясностью сформулировал сверхзадачу своего исследования – защитить либеральные и демократические ценности. «Моя вера в эти ценности, – писал он в предисловии к своей книге, – привела меня в 1933 г. в гитлеровский концлагерь. С тех пор я часто думал о своих товарищах, прошедших вместе со мной сквозь ад тоталитарного террора... Они просили меня, если мне посчастливится вырваться на свободу, чтобы я разъяснил всем людям доброй воли бесчеловечность тоталитарного господства в любой форме и в любой маске» [Wittfogel 1962; взято из Пименов 1999, с.74–75]. Сходство действительно обескураживающее. В ряде моментов оно продолжено и в современной России.

Таким образом, можно считать фактом развития социальной науки последних лет постепенное укрепление творческого направления, в основе которого лежит

идея полилинейного развития цивилизаций, включая евразийскую. Представляется, что теория евразийства (Н.С. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев и др.) может стать важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей. Евразийцы полагали, что Россия – это Евразия, а не только Европа. Следствием данного географического фактора явился этнический состав населения страны, в который наряду со славянами входят тюркские и другие неевропейские народы. Этой реальности не соответствовала ориентация верхнего класса России (продолжающаяся и поныне) исключительно на Европу [Русский узел евразийства 1997; Гумилев 1993 и др.].

Как правило, Россия воспринималась деятелями культуры Запада как страна иного, неевропейского порядка. Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия – некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света. Освальд Шпенглер утверждал, что Россия – кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» [Шпенглер 1993, с. 110]. Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [Тойнби 1995, с. 156]. Тойнби считал, что «почти тысячу лет» русские «принадлежали не к нашей западной цивилизации, но к византийской – сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но, тем не менее, совершенно другой цивилизации» [Тойнби 1995, с. 106]. Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, С. Хантингтон писал: «Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе» [Хантингтон 2003, с. 56].

В России в кругах социальных исследователей и преобладающей части властвующих групп доминирующую позицию занимала и занимает концепция принадлежности страны к европейским народам. Обычно авторы подчеркивают, что Россия – страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов. Эту же позицию занимают и лица, формирующие внутреннюю и внешнюю политику России. Европеизм остается ведущим идеологическим течением в стране [Смирнов 2008].

Следует заметить, что сами наши соотечественники при колебаниях в оценках западного образа жизни устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию «чужим образцам». Согласно данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% полагали, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии в культу-

ре и ценностях между европейцами и россиянами. Такую же позицию при опросе, проведенном «старым» ВЦИОМ в 2000 г., заняли 63% респондентов. На вопрос: «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995–1997 гг. ответили «часто» – 9–12%; «иногда» – 13–16%; «редко» – 17–18%; «никогда» – 52–57%. На вопрос: «В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?» в опросе 2000 г. признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан [Дубин 2003, с. 137–153].

Таким образом, при проведении экономической и социальной политики в 1990-х и отчасти в первом десятилетии 2000-х гг. правящие круги России искали по преимуществу модели/образцы для развития постсоветской России на Западе. Хотя нельзя не отметить, что в среде консервативных деятелей правящих кругов в последние годы все чаще звучали голоса в пользу возврата к почвенническим основам «соборной России» и проведению обновленной линии на реализацию известной мракобесной триады графа С.С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность».

Однако наш юго-восточный сосед Казахстан достиг национальной солидарности социальных и этнических частей своей страны, положив в основу государственной идеологии и реальной политики признание своей принадлежности к евразийской цивилизации. Символом этой политики стало присвоение вновь созданному в Астане университету имени выдающегося русского ученого евразийца Л.Н. Гумилева. Рассматривая последствия принадлежности своей родины к евразийской цивилизации, казахстанские ученые отмечают превалирование в общенациональном масштабе культуры подчинения и коллективистских ценностей. Социализация личности по-прежнему основана на механизме подчинения патерналистским, этатистским корням традиционной культуры: на поведение личности оказывает большое влияние традиционная культура, поддерживающая такие подсистемы как жуз, род, клан, местность; у населения сохраняется неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и интересов личности, но уже не отождествляются интересы государства и общества. Этатизм как часть культуры населения страны выражается в ожидании помощи от сильного государства, однако индивидуум постепенно начинает сознавать свои собственные интересы.

Опросы населения демонстрируют их нежелание рассматривать западно-либеральный путь развития как национальную идею, поскольку участь стать азиатской окраиной Запада задевает национальную гордость. По мнению аналитиков, в казахакх просыпается «синдром родственных стран», тяготение к исламскому Востоку. Судя по представительным опросам, большинство (67,8%) считает наиболее приемлемой смешанную культуру – традиционную + западную, национальный путь развития рассматривается как творческий синтез западных и восточных ценностей, признается необходимость продолжить использование технологических достижений Запада, опыт западных стран в создании социально ориентированной рыночной экономики. В то же время признается обязательным использовать и применить достижения близких казахам по ментальности восточных стран по сохранению и развитию духовных ценностей [Абдикерова 2009, с. 42–47].

Вывод таков: «Евразийство предполагает не только попытку синтеза этногеополитических реалий Европы и Азии, но и формирование нового взгляда, мировоззрения, основанного на ценностях Запада и Востока. Геополитическое положение Казахстана – расположение между Европой и Азией – обуславливает переплетение в поведении граждан таких характерных для западного человека черт как активность, динамизм, индивидуализм, предприимчивость, прагматизм, и таких специфических восточных характеристик: уважительного отношения к авторитетам, старшим, гостеприимства, пассивности, конформизма и т.п.» [Абдикерова 2009, с. 45]. Именно с опорой на мировосприятие, основанное на евразийском менталитете, используя как рычаг авторитарную систему, претендующую на постепенное формирование рыночной экономики и демократического общества, власти Казахстана, возглавляемые президентом Н. Назарбаевым, добились исключительных и общепризнанных успехов в развитии нового независимого государства.

За эти же годы лишенная ценностной основы, тяготеющая к чуждым ей целям построения капитализма англосаксонского образца, Россия совершила, по мнению М. Буравого, «транзит без трансформации». «... в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. Государство же, не стремясь к синергии с обществом, связало себя с глобальной экономикой, с транснациональными потоками природных ресурсов, финансов, информации. Оно также оторвалось от экономики регионов, обирая их природные ресурсы без заботы о воспроизводстве, не говоря уже о росте» [Буравой 2009, с. 3, 8].

Что касается стран, которые мы условно квалифицируем как «полупериферию» так называемого «реального социализма», то их положение при всей неопределенности, скорее всего, связано с постепенным вхождением (возвращением?) в европейский цивилизационный и экономический ареал. В подтверждение приведу интересные соображения видных социологов из самой крупной страны, представительницы этой «полупериферии», Украины. Е.И. Головаха и Н.В. Панина в связи с анализом постсоветской аномии отмечают существенные черты различий между Украиной и Россией. Они подчеркивают, что преодолевать нормативный хаос можно разными путями. «Опыт формирования демократических норм общественной жизни в Афинах и «железного порядка» тоталитарной Спарты и сегодня не утратил актуальности для государств, пытающихся преодолеть состояние аномии, порожденное разрушением ценностно-нормативной системы. По крайней мере, для некоторых постсоветских государств, первоначально декларировавших демократический путь выхода из аномического состояния, а затем не избежавших соблазна решения многочисленных социальных проблем переходного периода «по-спартански», этот опыт имеет первостепенное значение» [Головаха, Панина 2008, с. 5].

Основываясь на этой исторической посылке, авторы переходят к прямому сопоставлению России и Украины. У России – специфическое положение в евразийском физическом, политическом и духовном пространстве, в пограничье между Европой и Азией. «Отсюда проистекает и евразийская идеология, вполне отвечающая духу традиционализма и мирно уживающаяся с исконным российским почвенничеством. В последние годы она верой и правдой служит делу укрепления государственности и установления нового социального порядка». Применительно

к России авторы отмечают наличие традиции самодержавия. У Украины – специфическое положение между Европой и Евразией, «а потому ее выход из аномического состояния имеет преимущественно «европейскую направленность». Применительно к Украине авторы отмечают исторически сформированный феномен оппозиционности любой власти.

«В силу указанных выше факторов Россия и Украина избрали различные пути преодоления постсоветской аномии». В России – «на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство» и ориентации на возрождение «Великой России». Украинский путь ориентирован на государственно-национальное самоутверждение, включая противоречивые составляющие: «идеологию «европейскости», готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика» [Головаха, Панина, с. 10].

У меня лично несколько иное, но в то же время родственное объяснение произошедшего в России. Я обращаю первостепенное внимание в контексте *path dependency theory* на историю отношений собственности, соотношение рынка и отношений раздатка, отсутствие гражданского общества и доминирование отношений подданства, конфессиональный фактор. Эти же вопросы имеет смысл рассмотреть и применительно к Украине.

Любопытны и наблюдения известного эксперта по России и ее соседей профессора С. Уайта (Университет Глазго), опиравшегося на материалы представительных опросов 2005–2006 гг.: даже в сопоставлении с жителями Белоруссии и Украины русские гораздо в большей степени являются сторонниками своего собственного пути развития (59% россиян против 49% и 49% соответственно у украинцев и белорусов). Сторонниками общего с европейскими странами пути развития являются 25% русских, 31% украинцев и 40% белорусов. Кстати говоря, и на вопрос о том, должно ли государство нести ответственность за благополучие домохозяйств, в отличие от русских, большинство белорусов оказались приверженцами той точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. В то время как большая часть населения России сожалеет о распаде СССР, белорусы и украинцы в менее чем половине случаев сожалеют о распаде СССР и реже поддерживают идею о создании единого государства на территории СНГ [Уайт 2007, с. 40–46].

Каким образом все вышесказанное отразилось или может отразиться на развитии социологии как науки? Очевиден вывод: если цивилизационное разнообразие человечества приводит к качественным различиям в экономическом, социальном и ценностно-нормативном развитии народов, если несомненна несинонимичность вестернизации и модернизации, то отсюда следует неизбежность формирования национальных и региональных социологий с существенно расходящимися теоретическими основаниями. Полагаю, что в этом отношении весьма характерна дискуссия *On Public Sociology*, которая развернулась на страницах журнала *Current Sociology* [2008. Vol. 56. № 1. May]. Она была инициирована М. Буровым с участием А. Мартинелли, М. Виевиорка, А. Хабиба

и других коллег [Burawoy 2008 (1); Burawoy 2008 (2); Martinelli 2008; Wieviorka 2008; Habib 2008].

За несколько лет до этой дискуссии М. Буровой дал интервью известному российскому социологу В.В. Радаеву, в котором четко обозначил близкую нам позицию о неинтерпретируемости событий в современной России на концептуальном базисе западной социологии. Коснувшись обсуждения в *AJS (American Journal of Sociology)* проблем переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе, он сказал: «Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта... Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла особняком, рассматривалась, скорее, как исключение. Но мне кажется, что социология только выиграла, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай – со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведение российского опыта к некой общей теоретической схеме» [Радаев, Добрякова 2006, с. 37–38].

Используя материалы трех повторных представительных опросов, проведенных в постсоветский период, нам удалось показать, что социально-экономическое устройство современного российского общества и весь присущий ему строй социально-групповых отношений носят специфический этакратический характер. Его первооснову образуют слитные отношения «власть-собственность», завуалированные частнособственнической оболочкой. Принципиальным отличием от европейских обществ является доминирование сословно-слоевых декомпозиций над собственно классовыми и социально-профессиональными, присущими развитым капиталистическим обществам. Эмпирическое подтверждение этой гипотезе нам удалось получить, решая задачу поиска реальных социальных групп, характеризующихся максимальной однородностью социально-экономического положения, а также параметрами обладания властными, человеческими, культурными и социальными ресурсами [Шкаратан 2009].

Среди европейских исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, что социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран. Хотя этому концептуальному подходу явно противоречат многочисленные факты и события последних лет. Для многих западных ученых Россия представляет, как правило, один из типов капитализма. Так, по мнению известного аналитика России профессора Д. Лэйна, эта страна в 1990-е гг. проходила путь от государственного социализма к кооперативному капитализму, координируемому государством. При этом он исходил из предпосылки, что ранним посткоммунистическим правящим элитам грезился переход к обществу западного типа с его богатством, наличием рынков, частной собственности, демократии и гражданского общества. Капиталистические общества Западной Европы и особенно США не стали работающими моделями того, во что стремилась превратить Россию ее правящая верхушка.

Российскую экономику того времени автор характеризовал как извращенное хаотическое социальное образование [Лэйн 2000].

Профессор М. Кастельс с середины 1980-х до конца 1990-х гг. изучал Россию, проведя здесь немало времени и осуществив целый комплекс исследований. Вот некоторые итоги его анализа. «Кризис, переживаемый Россией, вновь, в конце XX столетия, бросил вызов нашему концептуальному созиданию... К тому же зачастую интеллектуальные категории, посредством которых мы интерпретируем российские проблемы и конфликты, являются продуктом устаревшей структуры, в значительной степени, носящей следы интонаций холодной войны. Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России аналитический вызов даже более осязателен, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность» [Кастельс, Киселева 2000, с. 48–49].

Тем не менее, наиболее употребляемой аттестацией современного российского капитализма у М. Кастельса является весьма нелестный для конца XX в. термин «дикий». К этому можно добавить дополняющие эту характеристику следующие два комментария: «Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру»; пореформенная Россия переживает «трудный бесконечный переход от сюрреалистического социализма к нереальному капитализму» [Кастельс, Киселева 2000, с. 37, 46].

Примерно в те же годы профессор М. Буровой на основе своих наблюдений и исследований поставил под сомнение тезис о том, что переходные процессы, которые переживала Россия, означали переход к капитализму. Он охарактеризовал траекторию развития российской экономики как «инволюцию», напоминающую веберовский «грабительский капитализм», где банки и торговые монополии получают прибыли, но ничего не инвестируют в производство. (Кстати говоря, на протяжении последних 9 лет эта характеристика оставалась вполне адекватной реальной ситуации. – О.Ш.). Производство же в России, согласно Буровой, осуществлялось по-прежнему по советской схеме [Burawoy 2001, p. 269–290].

Ян Драхокупил попытался интегрировать взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах [Drahokoupil 2009]. Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучшие коллективные книги, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил ту же картину, ту же мозаику взглядов, что и десятилетие назад. Другими словами, все обсуждения по большей части сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере, Европы («либеральный зависимый капитализм», «патримониальный капитализм», «гибридный государственно-рыночный капитализм», «олигархический капитализм», «веберовский политический капитализм» и т.д.). Общим местом является нали-

чие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (*controlled market economy*). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему – в отличие от исконно западных стран (Балтия, страны Центральной Европы) – Россия и ее преимущественно «православные» постсоциалистические соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций. Так, например, сам Драхокупил при обсуждении указанных стран осторожно обходит этот вопрос стороной. Рассуждая о типах капитализма, которые четко обозначились в современной Европе (основной раздел по линии «старая Европа – новая Европа»), он лишь вскользь упоминает об «особости» России, присваивая ей ярлык СМЕ (*controlled market economy*).

Однако, если подобный подход и применим к Европе («общее и особенное»), то в этот ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской культуре. В связи с этим мы предполагаем в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующем ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Отметим попутно, что западная граница СССР накануне Второй Мировой войны может считаться подлинной границей евразийской цивилизации. Поэтому во всех сторонах жизни России на протяжении веков, как и в других пограничных культурах, были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации, особенно это относится к периоду существования Российской империи от царствования Петра I до революции 1917 года, когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а сама российская государственность органично входила в «концерт» европейских держав.

И, тем не менее, даже сторонники капиталистического пути развития России пишут о разнообразии «национальных моделей рыночной экономики». Очевидно, что в нашей стране ни англосаксонский, ни азиатский, ни рейнский капитализм не имеют перспектив. Как замечает В.С. Автономов, «здесь можно вспомнить анекдот о норвежских рыбаках, которые пытались поймать исландскую селедку, но у них почему-то всегда ловилась норвежская. Мы обречены на то, что у нас сложится именно российский капитализм, но, чтобы хоть как-то влиять на этот процесс, нам неплохо изучить существующие в мире варианты» [Автономов 1999, с. 6].

Для нас Россия – лишь западная пограничная часть евразийского субстрата, который вместе с собственно европейским образует по сути «две Европы», т.е. две макрочивилизации, на географической территории Европы.

Литература

- Абдикерова Г.О. Евразийская ментальность как основа создания интегральной модели социализации личности // СОЦИС. 2009. № 9.
- Автономов В.С. Предисловие / Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. Перевод с немецкого под редакцией В.С. Автономова. СПб.: «Экономическая школа»; СПбГУЭиФ; Высшая школа экономики, 1999.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.
- Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС. 2009. № 9.
- Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982.
- Васильев Л.С.* История Востока. Т.1. (Вводная часть. Сущность проблематики). М.: Высшая школа, 1994.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *М. Вебер.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религий / Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М.: НОФМО, 2008.
- Головаха Е.И., Панина Н.В.* Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // ОНС. 2008. № 6.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Алгоритм, 2003.
- Дубин Б.В.* Запад для внутреннего употребления // Космополис. 2003. № 1.
- Ильин В.И.* Политическое переустройство постсоциалистических стран / В кн.: Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Ключевский В.О.* История сословий в России. 3-е изд. Петроград: Лит.-изд. отдел Комиссариата народного просвещения, 1918.
- Колодко Г.ж.* Мир в движении. Перевод с польского. М.: Магистр, 2009.
- Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Ховстеда // Мир России. 2007. № 4.
- Лэйн Д.* Преобразование государственного капитализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.
- Масловский М.В.* Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2.
- Медушевский А.Н.* Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. №1.
- Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001, № 3.
- Нуреев Р.М.* Россия: Особенности институционального развития. М.: Изд-во «Норма», 2009.
- Пастухов В.Б.* Три времени России. Общество и государство в прошлом – настоящем – будущем. М.: ПОЛИС-РОССПЭН, 1994
- Пастухов В.Б.* Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность». 2006. № 2.

- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская власть, русская система, русская история / Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4.
- Пименов А.В.* Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. № 1–2.
- Пономарева Е.Г.* Почему не стало Югославии // Свободная мысль. 2009. № 6.
- Радаев В.В., Добрякова М.С.* Экономическая социология. Автопортреты. М.: Изд. Дом ГУ- ВШЭ, 2006.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997.
- Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕТРАДИ», 2003.
- Смирнов М.А.* О философии европеизма в эпоху суверенной демократии // Свободная мысль. 2008. № 10.
- Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. Перевод с английского. М.: Издательство «Прогресс», 1991.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. Сборник. Перевод с английского. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура»; СПб.: «Ювента», 1995.
- Уайт С.* Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине // Мир России. 2007. № 2.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. (Пер. с английского). М.: Изд-во АСТ, 2003.
- Черникова Т.* Средневековое землевладение и проблемы феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. № 5, 6.
- Шкаратан О.И. и коллектив* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА медиа групп, 2009.
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита пресс, 2004.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М.: «Мысль», 1993.
- Burawoy M.* Transition Without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies / 2001. Vol. 15. № 2.
- Burawoy M.* (1) What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 1. May.
- Burawoy M.* (2) Rejoinder: For a Subaltern Global Sociology? // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 1. May.
- Castells M.* (1) The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Castells M.* (2) The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Drahokoupil J.* After transition: Varieties of political-economic development in Eastern Europe and the former Soviet Union [Review article] // Comparative European Politics. 2009. № 7 (2).
- Habib A.* Speaking 'truth' to All Forms of Power: Reflections on the Role of the Public Sociologist in South Africa // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 1. May.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY: Simon&Schuster, 1996.
- Marshall T.P.* Russian Moment in World History. Princeton N.J.: Princeton University Press, 2003.
- Martinelli A.* Sociology in Political Practice and Public Discourse // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 1. May.
- Mouzelis N.* Modernity: A nonEuropean Conceptualization // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. № 1.

- Wieviorka M.* Some Considerations after Reading Michael Burawoy's article: 'What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World' // *Current Sociology*. 2008. Vol. 56. № 1. May.
- Wittfogel K.A.* Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untrsuchung totaler Macht. Koln-Berlin, 1962 (Взято из: Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // *Мир России*. 1999. № 1/2).
- Wittrok B.* Modernity: One, None or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. (Winter, 2000).